

Е. Н. Ермакова, М. В. Прокопова, Г. Ч. Файзуллина

ЭТНОНИМЫ БУХАРЦЫ И САРТЫ В ЭТНОНИМИКОНЕ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА¹

В ситуации глобального культурного нивелирования и повсеместных межэтнических конфликтов возникают задачи, связанные с формированием и сохранением национального самосознания как целого народа, так и отдельного человека. Особенно актуально рассмотрение данной проблемы в лингвокультурологическом поле гуманитарных исследований. Между тем, наименование народа, народности — один из факторов этнической идентичности человека. Этнонимы содержат «генетический код», позволяют обозначить определяющие национальные признаки, отличить «своих» от «чужих». Этноним сам по себе очень информативен, так как даёт возможность изучить пути исторической миграции этнического сообщества, его взаимодействие с культурой и языком народа-прародителя, культурные контакты с другими народами, указывает на род занятий, конфессиональную принадлежность представителей сообщества.

Цель статьи — проанализировать формирование, функционирование и словообразовательный потенциал этнонимов *бухарцы*, *сарты*, называющих этносоциальную группу выходцев из Средней Азии, которые переселялись в Сибирь в конце XIV–XVIII веках и принимали активное участие в освоении этой большой и богатой на возможности территории. Пройдя сложный путь исторического развития, сибирские бухарцы со временем ассимилировались с местными народами, внося существенный вклад в становление культуры тюркского населения Сибири и став значимым этническим компонентом в структуре этноса сибирских татар.

Материалом для исследования послужили памятники деловой письменности XIX — начала XX века, включая метрические записи, документы переписи населения, служебную переписку, прошения и челобитные, документы по податям и сборам, записи по юридическим процедурам, указы, протоколы, рапорты, отчёты и прочее, в которых нашли отражение факты экономического, политического и культурного развития общины сибирских бухарцев. Источники представляют собой как официальные документы, имевшие обращение в делопроизводстве столичных министерств и департаментов, региональных приказов и отделов, так и рукописные записи, сделанные при мечетях на старотатарском языке арабской графикой. В качестве иллюстративного материала представлены записи полевых экспедиций авторов в сельские населенные пункты (2014–2021 гг.).

Анализ содержательной стороны документов, с одной стороны, позволяет проследить пути формирования самоидентичности отдельной этнической общности, с другой — увидеть региональную специфику и определить языковой потенциал терминов-самоименований. Этнонимы становятся базой для появления дериватов-новообразований: прозвищ, имен, патронимов, фамилий, топонимов.

Для анализа ономастикона, представленного в статье, использовался описательный метод с применением его основных приемов: наблюдения, обобщения и классификации материала. Для семантической реконструкции был использован метод этимологического анализа с учетом фонетического и словообразовательного аспектов. Анализ формирования и становления этнонимов в регионе представляется актуальным, поскольку в научный оборот вводятся новые антропонимические данные.

Изучение этнонимов, именующих этносоциальную группу сибирских бухарцев, позволит дать более полную историко-культурную характеристику одному из важных этнических сообществ региона и расширит научные представления о культуре и истории Западной Сибири в целом.

Ключевые слова: этническая идентичность, этноним, самоименование, сибирские татары, бухарцы, сарты, Западная Сибирь, Тобольская губерния.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-412-720008 «Метрические записи XIX — начала XX вв. о тобольских и тюменских бухарцах как историко-лингвистический источник».

Введение

Современный многомерный мир ставит перед нами задачи формирования и сохранения национального самосознания человека в ситуации глобального культурного нивелирования и повсеместных межэтнических конфликтов. Одним из ведущих факторов, способствующих процессу этнической идентичности человека, является наименование народа, народности, этносословной общности — этноним. В слове, именующем народ, содержится его «генетический код», то, без чего невозможен этногенез в принципе: этноним позволяет обозначить определяющие национальные признаки, общее происхождение (истоки) народа, отличие «своих» от «чужих», а также в случае малочисленности этноса не допустить полной его ассимиляции с основным населением региона проживания. Этноним сам по себе очень информативен, так как даёт возможность изучить пути исторической миграции этнического сообщества, его взаимодействие с культурой и языком народа-прародителя, культурные контакты с другими народами, указывает на род занятий, конфессиональную принадлежность представителей сообщества.

Этнонимика такого многонационального региона, как Западная Сибирь, представляет собой сложное как по структуре, так и по составу образование, включающее в себя авто- и аллоэтнонимы, сосуществующие либо сменяющие друг друга на протяжении развития культуры и языка. Наше внимание, в частности, привлекли этнонимы «бухарцы», «сарты», называющие этносоциальную группу выходцев из Средней Азии, пришедших в Сибирь вместе с торговыми караванами и принявших активное участие в освоении этой большой и богатой на возможности территории. Пройдя сложный путь исторического развития, сибирские бухарцы со временем ассимилировались с местными народами, внося существенный вклад в становление культуры тюркского населения Сибири и став значимым этническим компонентом в структуре этноса сибирских татар.

Стоит отметить, что для изучения этнонимов ограниченных по численности этносоциальных сообществ, не сформировавших собственный язык и литературу, таких, как сибирские бухарцы, особое значение приобретает деловой дискурс — делопроизводственные документы, отражающие не только включённость этнической группы в социальную жизнь страны и региона проживания, но и уникальные черты традиционной национальной культуры и быта. Особенно ценный материал для исследования в этой сфере представляют собой до сих пор малоизученные мусульманские метрические (мечетные) книги. Изучение этнонимов, именующих этносоциальную группу сибирских бухарцев, позволит дать более полную историко-культурную характеристику одному из важных этнических сообществ региона и расширит научные представления о культуре и истории Западной Сибири в целом.

Изученность вопроса

Бухарская культура в Сибири имеет давнюю историю. Сибирские бухарцы неоднократно становились объектом историко-этнографических исследований. Начиная с XVIII века этнографы, в частности Г. Ф. Миллер (XVIII в.), Н. М. Ядринцев (XIX в.), обращали внимание на их роль в освоении Сибири, участие в процессе прокладки торговых путей, привнесение восточной культуры в сибирские земли. В наше время историки и лингвисты активно изучают происхождение, социальный статус, культуру, быт, религиозные обычаи бухарцев, их роль в распространении ислама в Сибири.

Так, Г. Л. Файзрахманов (2009) рассматривает сибирских бухарцев как потомков среднеазиатских переселенцев, которые прошли сложный путь исторического развития, ассимилировавшись с местным населением. Н. Т. Рахимова (2014) описывает историографию возникновения и функционирования торговых факторий бухарских купцов, соз-

давших свою диаспору в городах Западной Сибири. Результаты изучения деятельности сибирских бухарцев XVIII века в области дипломатии и установления контактов с соседними народами предлагаются в работе А. А. Крих (2019). С. Н. Корусенко (2009, 2011, 2014, 2018) рассматривает бухарцев как значимый этнический компонент в структуре этноса сибирских татар и указывает на их роль в развитии культуры тюркского населения Сибири, раскрывает процесс формирования этносословной группы сибирских бухарцев. В. Г. Дацышен (2009) анализирует проблемы экономического, политического и культурного развития общины сибирских бухарцев в первое десятилетие после Октябрьской революции. В области лингвистических исследований интерес представляют работы О. В. Бараковой (2004), Ф. М. Хисамовой (1990). Значительный вклад в изучении метрических книг в системе лингвистической и культурологической научной парадигмы внесли работы А. Е. Бельковой (2009), Е. А. Косых (2011), Е. В. Чесноковой (2011), Г. Ч. Файзуллиной (2019, 2020), Э. Х. Кадировой (2020), А. А. Фаттаковой (2020).

Таким образом, в отечественной научной традиции — историографической и лингвокультурологической — сложился определённый круг тем, которые рассматриваются применительно к изучению жизни бухарцев в Сибири. К ним относятся: история формирования локальных групп бухарцев в Западной Сибири, характеристика их предпринимательской деятельности, системы жизнеобеспечения и традиционной культуры, роль в распространении ислама в Сибири. Однако нельзя не обратить внимание на то, что в большинстве случаев исследования проводились на основе источников, характеризующих этносоциальные процессы в среде омских и тарских бухарцев, в то время как быт и культура тобольских и тюменских бухарцев изучены недостаточно.

Материал исследования, источники

Источником материала для исследования послужили памятники деловой письменности XIX — начала XX века, включая метрические записи, документы переписи населения, служебную переписку, прошения и челобитные, документы по податям и сборам, записи по юридическим процедурам, указы, протоколы, рапорты, отчёты и прочее, в которых нашли отражение факты экономического, политического и культурного развития общины сибирских бухарцев. Данные документы содержатся в фондах государственных архивов Российской Федерации и являются свидетельством социальной, предпринимательской, в том числе торговой деятельности, системы жизнеобеспечения и традиционной культуры бухарцев, проживавших в Западной Сибири. Проанализированные источники представляют собой как официальные документы, имевшие обращение в делопроизводстве столичных министерств и департаментов, региональных приказов и отделов, так и рукописные записи, сделанные при мечетях на старотатарском языке арабской графикой.

Методы исследования

Анализ ономастикона, представленного в статье, обусловил использование следующих методов и приемов: описательного метода с применением его основных приемов (наблюдения, обобщения и классификации материала); для семантической реконструкции был использован метод этимологического анализа с учетом фонетического и словообразовательного аспектов. Комплекс методов и приемов позволил реконструировать семантическое поле этнонимов как производящую базу для новообразований-дериватов. Анализ формирования и становления этнонимов в регионе представляется актуальным, поскольку в научный оборот вводятся новые антропонимические данные.

Бухарцы как часть населения Тобольской губернии XIX — начала XX века

Развитие торговых связей на протяжении веков не только способствовало выгодному обмену товарами, но и привело к переселению части жителей Средней Азии на территорию России, в том числе и в Западную Сибирь в XIV–XVIII веках. Переселенцы приезжали из Самарканда, Ургенча, Бухары, Сайрама и других городов, это были представители разных национальностей — таджиков, узбеков, уйгуров, каракалпаков, казахов и др.

Анализ записей метрических книг Тобольской губернии об этносословной составляющей населения позволяет сделать вывод о том, что выходцы из Бухары проживали в 55 населенных пунктах, их компактное поселение в Тобольском уезде — Комаровские юрты, в Тюменском уезде — юрты Ембаевские и Ново-Шабалинские.

Главным занятием переселенцев из Средней Азии в Сибири была торговля, кроме этого они занимались земледелием, скотоводством, различными ремеслами и промыслами. Традиционными были кожевенное дело, изготовление ковров, ювелирное дело. Выходцы, получившие в Средней Азии духовное образование, по приезду в Сибирь открывали мекбеты при мечетях и медресе в крупных селениях, обучали как мальчиков, так и девочек. Учителями в школах и имамами в мечетях в основном были узбеки, вследствие этого через школьное обучение в среде и бухарцев, и татар распространялся узбекский язык.

В среде бухарцев доминирующим был узбекский язык. Этому способствовало не только наличие в составе населения среднеазиатского происхождения подавляющего большинства узбеков и уйгуров, но и необходимость общения бухарцев и ташкентцев с татарами, чей язык имел очевидные связи именно с узбекским (Зияев, 1968: 68). В свою очередь, узбекский язык оказал определенное влияние на язык западносибирских татар, это отмечается исследователями: В. В. Радловым (1872), Д. Г. Тумашевой (1977, 1992).

В культурное пространство сибирских татар проникает и литература религиозного и светского содержания из Бухары, Самарканда и других городов Средней Азии.

Идентификация переселенцев в Западной Сибири

В обиходе и делопроизводстве Российской империи купцы из Бухары, Ташкента и других городов Средней Азии именовались «бухарскими», такое наименование мотивировано соотносительностью с родиной переселенцев и страной происхождения привозимых ими товаров — топонимом Бухара (Бухарское ханство, город Бухара, город Бухария: см., например, в заголовке документа 1816 года: «Дело по сообщению Тюменского магистрата о законопротивном пропуске в город Бухарию тюменского купца Василия Сорокина с товарищами для производства торговли» (ГАТО: Ф. Из, оп. 1, д. 1352).

Так как выражение «бухарские купцы» использовалось местным населением для обозначения узбеков, таджиков, туркмен, уйгуров и представителей других среднеазиатских народов, занимающихся торговлей, со временем в русском языке появилось и обобщенное их наименование — «бухарцы», оказавшееся наиболее приемлемым и для самих выходцев из Средней Азии. Именно оно закрепилось как название для формирующейся этносословной группы. В. В. Радлов в конце XIX века писал: «Среднеазиатские переселенцы живут отчасти и теперь, не смешиваясь сь остальными, и называют себя бухарлыкь» (цит. по: Ядринцев, 1891: 24).

И. Д. Пузырев отмечает, что «бухарцами» или «бухаретдинами» в различных источниках XVI–XIX вв. довольно расплывчато обозначали особую группу людей — как российских подданных, так и подданных государств Средней Азии, переселившихся или временно прибывавших в Россию. Однако здесь же исследователь выражает сомнение относительно выделения их в самостоятельную этническую группу: «...вопрос о том, можно ли считать бухарцев “этнической группой” остается открытым, поскольку происхождение лю-

дей, номинированных таким термином, было различным. Они могли происходить как из “Большой Бухарии”, т. е. городов Самарканда, Ташкента и других земледельческих областей южнее Казахской (Киргиз-Кайсацкой) степи, так и из “Малой Бухарии” — района Кашгара (современный Синьцзян-Уйгурский район Китая). Кроме того, ... место бухарцев в правовой системе Российского государства не было окончательно определено, поэтому называть их сословием вряд ли возможно» (Пузырев, 2021: 48). Тем не менее, наименование этноса *бухарцы* состоялось и в настоящее время закреплено в «Алфавитном перечне национальностей и языков».

Использование наименования *бухарцы* в качестве автоэтнонима (эндоэтнонима) может быть объяснено многими причинами, среди которых и невозможность иначе идентифицировать этнически разнородную социальную группу людей-выходцев с географически близких территорий при явном их стремлении к культурному отграничению от коренных «инородцев»; и достаточно высокий статус бухарского купца, дающий определённые привилегии; и позитивное восприятие бухарских купцов местным населением, что, возможно, было связано с качеством привозимых товаров. Изделия из Бухары ценились в Российской империи, что подтверждают примеры из классической художественной литературы, где товары из Бухары приравнены к предметам роскоши: *Красная ленточка, бухарский платочек, кисейная косыночка* <...> производит те же действия, что бархат, креп-крепе, марабу, шали и бриллианты (Ф. В. Бухарин. Прогулка в Екатерингоф 1-го мая. 1824); *Выходит богатырь на берег, смотрит ... стоит белый бухарский конь, как из серебра литой* (А. Ф. Вельтман. Светославич, вражий питомец Диво времен Красного солнца Владимира. 1837); *Был дорогой бухарский ковер, а рядом с ним и циновки* (Ф. М. Достоевский, Бесы. 1872); *Панауров любил вкусно поест, любил хорошую сервировку <...> ночные сорочки у него были шелковые, кровать из черного дерева с перламутром, халат настоящий бухарский и т. п.* (А. П. Чехов. Три года. 1985).

Сами переселенцы именовали себя бухарцами. Так, в прошении в Земский отдел Министерства внутренних дел (1911 г.) почетных бухарцев Тобольского уезда юрт Вагайских Абдуллы Хисаметдинова и юрт Медянских Салахутдина Шахалиева читаем: «...*Добавляем, что мы, бухарцы, особое совсем от остальных племя, ничего общего кроме религии с татарами сибирскими природными инородцами не имеющие* ...» (РГИА: Ф. 1291, оп. 84. д.120).

Поскольку «вариантность — неотъемлемая черта функционирования этнонимии» (Сироткина, 2009: 34), кроме основного этнонима *бухарцы*, в деловом дискурсе XIX–XX веков обнаруживаются варианты как экзоэтнонимов, так и самонаименований. Так, при индивидуальном самонаименовании представители этносословного сообщества использовали словообразовательные варианты: *бухар-ич / бухар-дин / бухар-тин*. Читаем в записях метрической книги данные об отце: *атасы сарт Мөхәммәдшәриф, атасы бухарич Габделбакый, атасы казак Ибраһим, атасы осдовной казак Алим, атасы зирагатчы Нийяз; атасы бухартин Важик, атасы бухардин Кәримкол* (ГКУ: Ф. 295, оп. 9, д. 692. Тобольская губерния. 1851 г.). Использование вариантов *бухар-дин / бухар-тин* связано с фонетическим расхождением литературного произношения и произношения в речи сибирских татар парных звуков: звонкий согласный *д* оглушается и произносится коренными жителями как *т*. Произношение этого варианта в быту, видимо, и послужило причиной его отражения в документах наряду с литературным.

С 30-х годов XVIII века, кроме этнонима *бухарцы*, получает распространение этнохороним *ташкентцы*, так как именно в этот период входит в обычай выделять Ташкент среди других городов Средней Азии, что объясняется все возрастающей ролью этого города в сношениях с Россией. Название «ташкентцы» особенно закрепляется после того, как они поселились на Сибирской линии и стали вести большую внешнюю торговлю (Зияев, 1968: 4). Тем не менее наименование *ташкентцы* не вытеснило наименование *бухарцы*.

В Сибири бухарцы и ташкентцы имели еще одно название — *сарты* (фонетический вариант — *сарды*; появление вариантов также обусловлено влиянием языка сибирских татар). По данным «Этимологического словаря русского языка», *сарт* — стар. название тюрк. населения городов Средней Азии, из др.-инд. «предводитель каравана» (Фасмер, 1897. Т. III: 564). Однако этот термин имеет и другие значения, причем до сих пор в научной литературе нет однозначного понимания значения этой лексемы. Так, по одной из версий, *сарты* — это общее наименование части населения Средней Азии, живших в XV–XIX веках, ведущих оседлый образ жизни. В. И. Бушков (2001) и Л. С. Толстова (2001) предполагают, что сартами называли узбеков, потерявших свое родоплеменное название, и городских таджиков, ведущих полукочевой образ жизни. По мнению А. А. Семенова (1903), сартами называют вообще все оседлое население Средней Азии, это название активно используется русскими. У киргизов сарты — это соплеменники, которые бросили кочевой образ жизни. Таким образом, сарт для них — это обобщенное наименование оседлого жителя, которому противопоставлялся кочевник. Л. Ф. Костенко, российский дипломат, востоковед, в середине XIX века писал, что сарт — это наименование не человека, а его особого рода занятий, в переводе — человек, занимающийся торговлею, горожанин, мещанин. Таким образом, по мнению ученого, это не национальность, а сословие.

В Российской империи сарты выделялись как обособленный этнос и учитывались при переписи населения отдельно от других этносов. Советская власть не признавала сартов как отдельный народ, так как к тому времени этнографические различия между узбеками и таджиками практически исчезли, оставался только языковой барьер. В соответствии с тем, что сарты использовали в основном узбекский язык, они были причислены к узбекской национальности.

В Сибири сартами называли торговцев, купцов, которые были зажиточными людьми, возможно, в этом случае мотивирующим словом явилось тюркское *сатар* — «продающий».

Отметим, что в метрических записях о тобольских и тюменских бухарцах кроме того, что используются вариативные единицы: *сарт* / *сард*, *сарття* / *сардия* / *зарття*; *бухарич*, *бухартин* / *бухардин*, встречаем функционирование лексем *бухарцы* / *сарты*; *бухарич* / *сарт* в роли абсолютных синонимов. Доказательством служат записи в метрических книгах: лексемы *бухарцы* / *сарты*; *бухарич* / *сарт* используются в одном и том же документе, а записи сделаны одним и тем же человеком (Faizullina G.Z., 2021: 22). Приведем пример из книги о рожденных юрт Каскаринских Тюменского уезда Тобольской губернии за 1851 год: *атасы бухартин Эмин, атасы сарття Сэфэр* (досл. пер.: *отец бухартин Эмин, отец сарття Сэфэр*) (ГКУ: Ф. 295, оп. 9, д. 692. Тобольская губерния. 1851 г.).

Словообразовательный потенциал этнонимов бухарин, сарт

Этнические наименования в дальнейшем послужили базой для идентификации личности, поскольку в условиях массовой миграции признак по этнической и территориальной принадлежности осознавался как отличительный. Наричательные существительные послужили производящей базой для формирования имен собственных — фамилий.

В России формирование фамилий проходило в течение долгого времени и было связано, в первую очередь, с классовым расслоением общества. У князей и бояр фамилии появились в XIV–XVI вв., у дворян фамиликон сформировался во время экономического и политического господства дворянства (XVI–XVII вв.). У самых богатых и именитых купцов фамилии начали появляться еще в XVI в., а в целом у большинства купцов и горожан к началу XIX в. фамилии еще не установились.

Культурно-исторические связи русского и татарского народов сыграли определенную роль: формирование татарских фамилий проходило в то же время и по тем же словообразо-

вательным моделям, которые сложились в русском языке. У бухарцев и татар фамилии появились, как и у русских, вначале только у представителей знати (Файзуллина, 2017: 70). В конце XIX — в начале XX века получают фамилии другие слои бухарского и татарского населения. К этому времени длительное общение бухарцев с другими народами, особенно с сибирскими татарами, привело к ассимиляции этих народов: общие язык и религия, взаимопроникновение культур, элементов быта, традиций, обычаев, совместные браки и др. Сами бухарцы уже считали себя уроженцами Сибири. Соответственно, бухарские и татарские фамилии формировались единообразно, по одним и тем же законам языка.

Отэтнонимические и оттопонимические фамилии, по мнению исследователей, немногочисленны. И все же наименования представителя этнической группы *бухарец* и *сарт* не могли не оставить след при формировании фамилиекона Западной Сибири. В нашем материале это фамилии *Бухарин / Бухаринов / Бухаров / Бухарцев; Сартов / Сартаков*.

Попытаемся рассмотреть этимологию этих фамилий. Отметим, что и в том, и в другом случаях истинное происхождение фамилии определить затруднительно. Так, словари по-разному объясняют происхождение фамилии *Бухарин / Бухаринов / Бухаров / Бухарцев*. По одной из версий, фамилия *Бухарин / Бухаров / Бухарцев* — русская, этимологически связана с лексемой «бухара». В северных говорах так называют жалящих насекомых — пчелу, шмеля; трудолюбивый человек на севере, в соответствии с образом насекомых, получал прозвище Бухарок. Эту же лексему используют в новгородских говорах со значением «запольная, пустошная земля, где каждые три или четыре года сеется рожь», в тверских говорах «бухара» — это сенокос в лесу на полянах, где растет трава (листуга), или же действие, связанное с последним разбором пеньковой и льняной пакли (Даль, 1989). Соответственно, прозвище могло быть дано либо владельцу угодий, либо тому, чья деятельность тем или иным образом связана с паклей. На Кавказе этот диалектизм имеет значение «камин, камелек», что также могло лечь в основу либо прозвища, либо притяжательного прилагательного — отчества человека, которое впоследствии закрепилось как фамилия. По другой версии, прозвание *Бухаров / Бухарцев* может связано с названием ранее существовавшего в Средней Азии эмирата, столицей которого был город Бухара, и могло быть присвоено, к примеру, русскому купцу, торговавшему с Бухарой и некоторое время там проживавшему. И наконец, согласно третьей версии, фамилия *Бухарин / Бухаров / Бухарцев* по своему происхождению тюркская, в ее основе лежит прозвище человека по месту его рождения.

В защиту обеих версий выступают данные, приведенные В. А. Никоновым: «... на рубеже XIX–XX вв. *Бухаровы* документированы в Епанчинской уезде Тульской губернии) и в Зауралье (Ялуторовский у., две вол. Курганского округа). Завершается словарная статья фразой: «Ветви ли это той же семьи или нет — неизвестно» (Никонов 1993: 22). В этой связи нельзя не заметить, что инородцы — выходцы из Средней Азии — селились на окраине Российского государства, в Западной Сибири. Скорее всего, появление фамилии *Бухарин / Бухаров / Бухарцев* в этой местности связано с третьей версией, а фамилия рода *Бухариных / Бухарцевых / Бухаровых*, проживающих в европейской части России, — по происхождению русская. На наш взгляд, в споре о происхождении фамилии в этом случае нет однозначного ответа: возможно, фамилии разных лексических систем лишь проявление фонетического созвучия.

И в русском, и в татарском языках широко распространены варианты фамилий: например, от имени *Иван* → *Иванов, Иваньков, Иванцов, Иванцев, Ивантеев* и мн. др. На наш взгляд, фамилии (как славянские, так и тюркские) *Бухарин / Бухаров / Бухарцев* также можно рассматривать как варианты. Фактором, влиявшим на отражённость фамилий в письменных источниках, было также состояние узуальной нормы, допускавшей широкий диапазон для вариантных написаний (Парфенова, 2005: 12).

От функционирующего имени собственного могут образовываться дериваты — две и более фамилий. В нашем материале это фамилии *Бухарин / Бухаринов*. Фамилия, будучи производным патронимом, могла служить производящей базой для образования более слож-

ного по составу термина. Сравним: *Бухарин (уроженец Бухары)* → *Бухаринов (сын Бухарина, уроженца Бухары)*. Таким образом появлялось отчество «второй» степени и, как следствие, — другая фамилия.

Роль этнонима *бухарцы* не ограничивается только влиянием на формирование фамилиекона — на его основе образуются также другие имена собственные: в частности, в Государственном архиве Тюменской области хранятся устав и протоколы сформированного при Ембаевском сельсовете Ембаевского мелиоративного товарищества «Бухарец» (1927), Ембаевской коммуны «Бухар» (1928), а также материалы о землеустройстве и годовые планы колхоза Киндеровского сельсовета «Бухара» (1930). Последнее название, очевидно, является вторичным от названия местных жителей-бухарцев, так как непосредственных связей с городом Бухарой колхоз не имел.

Еще больше разногласий вызывает фамилия *Сартов / Сартаков*. Позволим себе предположить, что эти фамилии можно рассматривать как производящую и производную. Суффикс *-ов* является словообразующим для производного прилагательного со значением принадлежности чего-либо лицу или существу, которое названо мотивирующим словом (Ефремова, 2005: 321–322), в нашем случае фамилия *Сартов* указывала на принадлежность к лицу, называемому *сарт*. Происхождение фамилии *Сартаков* можно рассмотреть как единицу, образованную разными путями. 1. *Сартаков* — отчество (а затем фамилия) второй ступени: *Сартов* (сын сарта, человека, принадлежащего этносу сартов) → *Сартаков* (сын Сартова). 2. В. А. Никонов, ссылаясь на В. П. Тимофеева, связывает происхождение этой фамилии с татарским словом *сартак* — «морковь». Но здесь же автор приводит сведения о том, что и в башкирском, и в татарском языках лексема *сартак* со значением «морковь» в диалектных словарях не зафиксирована (Никонов, 1993: 111). Однако данные наших полевых записей свидетельствуют о том, что все же лексема *сартак* в значении «морковь» и в настоящее время используется в говорах сибирских татар. Приведем примеры: *Пы йыл сартакёбёс тың уңты* (досл. перевод: В этом году был большой урожай моркови) (ПМА 1); *Аиға сартак кенә турап салу қалты* (досл. перевод: Осталось только в суп положить морковь) (ПМА 2). И. М. Ганжина также предлагает версию возникновения фамилии, связанную с лексемой со значением «морковь» (Ганжина, 2000: 425), но в то же время приводит и другую, которая, по ее словам, более вероятна: фамилия *Сартаков* — производная от имени *Сартак*, которое, в свою очередь, восходит к нарицательному *сарт* — старинному названию тюркского населения городов Средней Азии». (Там же). Автор словаря указывает, что имя *Сартак* носил сын Батыя. Кроме того, имя известно из фольклора: *Сартак* — быллинный враг Руси, зять Калина-царя. Н. Н. Парфенова также считает, что *Сартак* — это прозвище, которое может восходить к лексеме *сарт* — названию этнической группы башкир. «Формант *-ат* мог появиться по аналогии с этнонимами остяк, пермяк, колмак» (Парфенова, 2005: 345). Этот этноним зафиксирован в качестве личного имени, послужившего в дальнейшем для образования притяжательного прилагательного и закрепившегося в дальнейшем как фамилия. Читаем в «Словаре русских фамилий конца XVI–XVIII веков (по архивным источникам Зауралья)»: *Юшка Сартаков, верхотурский стрелец (1661 г.) ... ашни паиут <> Дмитрий Сартаков пят(ь) десятин (1714 г.)* (Там же).

Этноним *сарт* также отражен в топонимике: в Зауралье есть села Сарт-Абдрашево, Сарт-Калмакова.

Заключение

Несмотря на то, что переселенцы из Средней Азии хранили свои традиции, культуру, обустроивали свои жилища в соответствии со своими национальными представлениями и соблюдали обряды, проживание на одной и той же территории, складывающиеся семейно-родственные связи (бухарцы женились на татарках), общие бытовые условия, контакты —

все это привело к неизбежному взаимовлиянию культур и языков бухарцев и сибирских татар. К концу XIX века бухарцы ассимилировались и слились с коренным населением, но их след в этногенезе и культуре сибирских татар остался.

Литература:

Алфавитные перечни национальностей и языков для кодирования ответов на вопросы 7 и 9 форм К и Д и вопроса 6 формы В переписных листов Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2002. http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/alfavit/alfavit_nacional.html (дата обращения 09.01.2022)

БаракOVA О. В. Деловая письменность XVII века: концептосфера, субтекстовый состав: на материале таможенных книг Московского государства: Автореф. ... дис. д-ра филол. наук. 2004. 44 с.

Белькова А. Е. Метрические книги первой половины XIX века Тюменского духовного правления как жанр деловой письменности: Автореф. ... канд. филол. Наук. Сургут, 2009. 21 с.

Бушков В. И., Толстова Л. С. Население Средней Азии и Казахстана (Очерк этнической истории) // Расы и народы: Сборник / Г. П. Васильева. М.: «Наука», 2001. Вып. 27. С. 141–142.

Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. 672 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах. М.: Рус. яз., 1989.

Дацьшен В. Г. Бухарское население Сибири в первое послереволюционное десятилетие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. № 17 (3). С. 661–674.

Дацьшен В. Г. Сибирские бухарцы. Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы V Всерос. науч.-практ. интернет-конф., 15 янв. — 15 мая 2009 г. / отв. ред. Н. И. Дроздов. Красноярск, 2009. С. 79–87.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. 2-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636 с.

Зияев Х. Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент: Издательство «ФАН», 1968. 74 с.

Корусенко С. Н. Землевладение и землепользование бухарцев в Сибири: генеалогический ракурс // Известия Алтайского государственного университета, 2009. № 4–3 (64). С. 98–102.

Корусенко С. Н. Торговля и предпринимательская деятельность бухарцев Тары (по материалам переписи населения 1897 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4 (20). С. 267–272.

Корусенко С. Н. Политика центральных и местных властей по отношению к бухарцам Сибири в середине XVII — начале XIX века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3 (3). С. 105–119.

Корусенко С. Н. Сибирские бухарцы: динамика численности и расселение (XVII–XX вв.). Омск: Издат. дом «Наука», 2011. 248 с.

Косых Е. А., Чеснокова Е. В. Метрические книги в системе русской культурологической парадигмы // Культура и текст. 2011. № 12. <https://cyberleninka.ru/article/n/metricheskie-knigi-v-sisteme-russkoy-kulturologicheskoy-paradigmy> (дата обращения 08.04.2020)

Крих А. А. Разведывательная деятельность сибирских бухарцев в киргизской степи в XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2. С. 35–42.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Изд. Элерт, В. Хинтцше. М.: памятники исторической мысли, 2009. 456 с.

Никонов В. А. Словарь русских фамилий / Сост. Е. Л. Крушельницкий. М.: Школа-Пресс, 1993. 224 с.

Парфенова Н. Н. Словарь русских фамилий конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья). М.: Издательский Дом Синергия, 2005. 480 с.

Пузырев И. Д. К вопросу о земледелии сибирских бухарцев // Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Выпуск 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 248–270.

Радлов В. В. Образцы народной литературы Тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи [Электронный ресурс] : [на языках подлинников]. Ч. 4 : Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. Санкт-Петербург, 1872 (2016). XV, [3], 411 с.

Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии / В. В. Радлов. Иркутск, 1923. С. 23.

Рахимов Н. Т. Диаспоры бухарцев в Сибири в XVI–XIX веках и их отражение в исторической литературе // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (39). С. 139–149.

Семёнов А. А. Горные таджики // Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. 1903.

- Сироткина Т. А.** Актуальные проблемы современной этнонимии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 4 (16). С. 53–59.
- Сироткина Т. А.** Региональный этнонимикон как полевая структура // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 4. С. 33–38.
- Тумашева Д. Г.** Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1992. 255 с.
- Тумашева Д. Г.** Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во КГУ, 1977. 296 с.
- Файзрахманов Г. Л.** Бухарцы в Западной Сибири в XVII — начале XX веков // Вестник Башкирского университета. 2005. № 3. С. 69–71.
- Файзуллина Г. Ч., Ермакова Е. Н.** Словообразовательный потенциал имени собственного и его реализация в русском и татарском языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 4 (26). С. 67–77.
- Файзуллина Г. Ч., Кадилова Э. Х., Фаттахова А. А.** Мечетные книги Тобольской губернии XIX — начала XX веков как памятник письменности сибирских татар: состав книг и лексика // Научный диалог. 2020. № 2. С. 127–140.
- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Издание второе, стереотипное. М.: «Прогресс», 1987.
- Хисамова Ф. М.** Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI — начало XIX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 405 с.
- Хисамова Ф. М.** Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности XVI–XVII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1990. 154 с.
- Ядринцев Н. М.** Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. Санкт-Петербург: Издание И.М.Сибирякова, 1891 (Типография И. Н. Скороходова). 308 с.
- Faizullina G. Z., Kadirova E. K.** Metric records of 19th — early 20th centuries as historical and linguistic sources // Tatarica. 2021. № 2 (17). С. 7–24.

Архивные источники:

- ГАТО — Государственный архив Тюменской области.
ГБУТО — Государственный архив в г. Тобольске.
ГКУ — Национальный архив Республики Башкортостан.
ФКУ — Российский государственный архив древних актов.
ФКУ — Российский государственный исторический архив.

Полевые материалы авторов:

- ПМА 1 — экспедиция в с. Птицкое Вагайского района Тюменской области. Июль 2019 (информант: Ф. А. Утяшева, 1948 г. р.).
ПМА 2 — экспедиция в д. Кондан Вагайского района Тюменской области. Июль 2020 (информант: М. У. Хабибуллина, 1933 г. р.).

Ермакова Елена Николаевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры филологического образования.

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский государственный университет».**

Ул. Знаменского, д. 58, г. Тобольск, Тюменская область, 626150.

E-mail: ermakova25@yandex.ru

Прокопова Майя Владимировна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологического образования.

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский государственный университет».**

Ул. Знаменского, д. 58, г. Тобольск, Тюменская область, 626150.

E-mail: prokopova.maya@yandex.ru

Файзуллина Гузель Чахваровна, доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного обучения.

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский государственный университет».**

Ул. Знаменского, д. 58, г. Тобольск, Тюменская область, 626150.

E-mail: utgus@mail.ru

Материал поступил в редакцию 10 марта 2022 г.

E. N. Ermakova, M. V. Prokopova, G. Ch. Faizyllina

ETHNONYMS BUKHARIANS AND SARTS IN THE ETNONIMIKON OF TOBOLSK PROVINCE OF XIX — EARLY XX CENTURY

In a situation of global cultural leveling and widespread ethnic conflicts, problems which are related to the formation and preservation of national identity of both representatives of the people and the individual arise. This problem is especially relevant in the linguoculturological field of humanitarian research. Meanwhile, the name of the people, nationality is one of the options for the ethnicity of a person. Ethnonyms contain a “genetic code” that allows us to designate defining national features, to distinguish “us” from “them”. The ethnonym itself is highly informative, as it makes it possible to study the ways of belonging to a particular ethnic community, its interaction with the culture and language of the progenitor people, cultural contacts with other peoples, indicates occupation, the confessional affiliation of the representatives of community.

The purpose of the article is to analyze the formation, functioning and word-formation potential of the ethnonyms Bukharians, Sarts, which call the ethno-social group of immigrants from Central Asia who moved to Siberia at the end of the 14th–18th centuries and took an active part in the development of this large and rich in opportunities territory. Having gone through a difficult path of historical development, the Siberian Bukharians eventually assimilated with the local peoples, making a significant contribution to the formation of the culture of the Turkic population of Siberia and becoming a significant ethnic component in the structure of the ethnic group of the Siberian Tatars.

The material for the study was the monuments of business writing of the 19th — early 20th centuries, including birth records, census documents, official correspondence, petitions, documents on taxes and fees, records on legal procedures, decrees, protocols, reports, etc. which reflected the facts of the economic, political and cultural development of the community of Siberian Bukharians. The sources are both official documents that were used in the office work of the capital's ministries and departments, regional orders and departments, as well as handwritten notes made at mosques in the Old Tatar language in Arabic script. As illustrative material, the records of the authors' field expeditions to rural settlements (2014–2021) are presented.

The analysis of the content side of the documents, on the one hand, allows us to trace the ways of forming the self-identity of a separate ethnic community, on the other hand, to see the regional specifics and determine the linguistic potential of self-name terms. Ethnonyms become the basis for the emergence of new derivatives: nicknames, names, patronymics, surnames, toponyms.

For the analysis of the onomasticon presented in the article, a descriptive method with its main techniques, that include observation, generalization and classification of the material, was used. For semantic reconstruction, the method of etymological analysis was used, taking into account phonetic and word-formation aspects. The analysis of the formation and development of ethnonyms in the region seems relevant, since new anthroponymic data are introduced into scientific circulation.

The study of ethnonyms that name the ethno-social group of Siberian Bukharians makes it possible to give a more complete historical and cultural description of one of the important ethnic communities in the region and expand scientific understanding of the culture and history of Western Siberia as a whole.

Keywords: *ethnic identity, ethnonym, self-name, Siberian Tatars, Bukharians, Sarts, Western Siberia, Tobolsk province.*

References:

- Alfavitnye perechni nacional'nostej i jazykov dlja kodirovanija otvetov na voprosy 7 i 9 form K i D i voprosa 6 formy V perepisnyh listov Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 goda [Alphabetical lists of nationalities and languages for coding answers to questions 7 and 9 of forms K and D and question 6 of form B of the census forms of the 2002 All-Russian Population Census]. M., 2002. (available online at http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/alfavit/alfavit_nacional.html, accessed on 09.01.2022)
- Barakova O. V.** Delovaja pis'mennost' XVII veka: konceptosfera, subtestovyj sostav: na materiale tamozhennyh knig Moskovskogo gosudarstva: Avtoref. dis. d-ra filol. Nauk [Business writing of the 17th century: concept sphere, subtest composition: on the material of the customs books of the Moscow state: Abstract of the thesis. dis. Dr. Philol. Sciences]. 2004. 44 p. (In Russian)
- Bel'kova A. E.** Metricheskie knigi pervoj poloviny XIX veka Tjumenskogo duhovnogo pravlenija kak zhanr delovoj pis'mennosti: Avtoref. ... kand. filol. Nauk [Registers of births of the first half of the 19th century of the Tyumen spiritual government as a genre of business writing: Abstract of the thesis. ... cand. philol. Sciences]. Surgut, 2009. 21 p. (In Russian)
- Bushkov V. I., Tolstova L. S.** Naselenie Srednej Azii i Kazahstana (Oчерk jetnicheskoj istorii) [Population of Central Asia and Kazakhstan (Outline of ethnic history)]. Rasy i narody : Sbornik [Races and peoples : Collection] / G. P. Vasil'eva. M.: "Nauka", 2001. Vol. 27. Pp. 141–142. (In Russian)
- Ganzhina I. M.** Slovar' sovremennyh russkih familij [Dictionary of modern Russian surnames]. M.: OOO "Izdatel'stvo Astrel"; OOO "Firma "Izdatel'stvo AST", 2001. 672 p. (In Russian)
- Dal' V. I.** Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4-h tomah [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes]. M.: Rus. jaz., 1989. (In Russian)
- Dacyshen V. G.** Buharskoe naselenie Sibiri v pervoe poslerevoljucionnoe desjatiletie [Bukhara population of Siberia in the first post-revolutionary decade]. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. 2018, № 17 (3). Pp. 661–674. (In Russian)
- Dacyshen V. G.** Sibirskie buharcy. Sibirskij subjetnos: kul'tura, tradicii, mental'nost': materialy V Vseros. nauch.-prakt. internet-konf. [Siberian Bukharans. Siberian sub-ethnos: culture, traditions, mentality: materials of the V All-Russian. scientific-practical. internet conf.]. 15 janv — 15 maja 2009 g. / otv. red. N. I. Drozdov. Krasnojarsk, 2009. Pp. 79–87. (In Russian)
- Efremova T. F.** Tolkovij slovar' slovoobrazovatel'nyh edinic russkogo jazyka [Explanatory dictionary of word-formation units of the Russian language]. 2-e izd., ispr. M.: AST: Astrel', 2005. 636 p. (In Russian)
- Zijaev H.** Uzbeki v Sibiri (XVII–XIX vv.) [Uzbeks in Siberia (XVII–XIX centuries)]. Tashkent: Izdatel'stvo "FAN", 1968. 74 p.
- Korusenko S. N.** Zemlevladienie i zemlepol'zovanie buharcev v Sibiri: genealogicheskij rakurs [Land ownership and land use of the Bukharans in Siberia: a genealogical perspective]. Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Altai State University]. 2009, № 4–3 (64). Pp. 98–102.
- Korusenko S. N.** Torgovlja i predprinimatel'skaja dejatel'nost' buharcev Tary (po materialam perepisi naselenija 1897 g.) [Trade and Entrepreneurial Activity of the Bukharans of Tara (Based on the Population Census of 1897)]. Vestnik Omskogo universiteta. Serija "Istoricheskie nauki" [Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"]. 2018, № 4 (20). Pp. 267–272.
- Korusenko S. N.** Politika central'nyh i mestnyh vlastej po otnosheniju k buharcam Sibiri v seredine XVII nachale XIX veka [The policy of the central and local authorities towards the Bukharans of Siberia in the middle of the 17th and early 19th centuries]. Vestnik Omskogo universiteta. Serija "Istoricheskie nauki" [Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"]. 2014, № 3 (3). Pp. 105–119.
- Korusenko S. N.** Sibirskie buharcy: dinamika chislennosti i rasselenie (XVII–XX vv.) [Siberian Bukharans: Population Dynamics and Settlement (XVII–XX centuries)]. Omsk: Izdat. dom "Nauka", 2011. 248 p.
- Kosyh E. A., Chesnokova E. V.** Metricheskie knigi v sisteme russkoj kul'turologicheskoj paradigmy [Registers of births in the system of the Russian cultural paradigm]. Kul'tura i tekst [Culture and text]. 2011, № 12. (available online at <https://cyberleninka.ru/article/n/metricheskie-knigi-v-sisteme-russkoj-kul'turologicheskoj-paradigmy>, accessed on 08.04.2020)
- Krih A. A.** Razvedyvatel'naja dejatel'nost' sibirskih buharcev v kirgizskoj stepi v XVIII v. [Intelligence activities of the Siberian Bukharans in the Kyrgyz steppe in the 18th century]. Vestnik Omskogo universiteta. Serija "Istoricheskie nauki" [Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"]. 2019, № 2. Pp. 35–42.

- Miller G. F.** Opisanie sibirskih narodov [Description of the Siberian peoples]. Izd. Jelert, V. Hintcshe. M.: pamjatniki istoricheskoy mysli, 2009. 456 p.
- Nikonov V. A.** Slovar' russkikh familij [Dictionary of Russian surnames] / Sost. E. L. Krushel'nickij. M.: Shkola-Press, 1993. 224 p.
- Parfenova N. N.** Slovar' russkikh familij konca XVI–XVIII vv. (po arhivnym istochnikam Zaural'ja) [Dictionary of Russian surnames of the late 16th–18th centuries (according to archival sources of the Trans-Urals)]. M., Izdatel'skij Dom Sinergija, 2005. 480 p.
- Puzyrev I. D.** K voprosu o zemledelii sibirskih buharcev [On the issue of agriculture of the Siberian Bukharans]. Sistema zemlevladelija i social'nye kategorii naselenija Volgo-Ural'ja i Zapadnoj Sibiri XVI — XIX vv. Vypusk 1 [The system of land tenure and social categories of the population of the Volga-Urals and Western Siberia in the 16th — 19th centuries. Issue 1]. Kazan': Institut istorii im. Sh.Mardzhani AN RT, 2021. Pp. 248–270.
- Radlov V. V.** Obrazcy narodnoj literatury Tjurkskikh plemen, zhivushhijh v Juzhnoj Sibiri i Dzungarskoj stepi [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungar Steppe]. [Jelektronnyj resurs]: [na jazykah podlinnikov]. Ch. 4: Narechija barabincev, tarskih, tobol'skih i tjumenskih tatar. Sankt-Peterburg, 1872 (2016). XV [3], 411 p.
- Radlov V. V.** Jetnograficheskij obzor tureckih plemen Sibiri i Mongolii [Ethnographic review of the Turkish peoples of Siberia and Mongolia]. V.V.Radlov. Irkutsk, 1923. 23 p. (In Russian)
- Rahimov N. T.** Diaspory buharcev v Sibiri v XVI–XIX vekah i ih otrazhenie v istoricheskoy literature [Diasporas of Bukharans in Siberia in the 16th–19th centuries and their reflection in historical literature]. Uchenye zapiski Hudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki [Scientific notes of the Khujand State University named after. Academician B. Gafurov. Humanitarian sciences]. 2014, № 2 (39). Pp. 139–149.
- Semjonov A. A.** Gornye tadhiki [Mountain Tajiks]. Jetnograficheskie ocherki Zarafshanskih gor, Karategina i Darvaza. 1903. (In Russian)
- Sirotkina T. A.** Aktual'nye problemy sovremennoj jetnonimiki [Actual problems of modern ethnonymy]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology]. 2011, Issue 4 (16). Pp. 53–59. (In Russian)
- Sirotkina T. A.** Regional'nyj jetnonimikon kak polevaja struktura [Regional ethnonymicon as a field structure]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology]. 2009, Issue 4. Pp. 33–38.
- Tumasheva D. G.** Slovar' dialektov sibirskih tatar [Dictionary of dialects of Siberian Tatars]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1992. 255 p.
- Tumasheva D. G.** Dialekty sibirskih tatar. Opyt sravnitel'nogo issledovanija [Dialects of the Siberian Tatars. Benchmarking experience]. Kazan': Izd-vo KGU, 1977. 296 p.
- Fajzrahmanov G. L.** Buharcy v Zapadnoj Sibiri v XVII — nachale XX vekov [Bukharians in Western Siberia in the 17th — early 20th centuries]. Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of the Bashkir University]. 2005, № 3. Pp. 69–71.
- Fajzullina G. Ch., Ermakova E. N.** Slovoobrazovatel'nyj potencial imeni sobstvennogo i ego realizacija v russkom i tatarskom jazykah [Derivational potential of the proper name and its implementation in the Russian and Tatar languages]. Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2019, № 4 (26). Pp. 67–77.
- Faizullina G. Z., Kadirova E. K.** Metric records of 19th — early 20th centuries as historical and linguistic sources. Tatarica, 2021. № 2 (17). P. 7–24.
- Fajzullina G. Ch., Kadirova Je. H., Fattakova A. A.** Mechetnye knigi Tobol'skoj gubernii XIX — nachala XX vekov kak pamjatnik pis'mennosti sibirskih tatar: sostav knig i leksika [Mosque books of the Tobolsk province of the 19th — early 20th centuries as a monument of writing of the Siberian Tatars: composition of books and vocabulary]. Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]. 2020, № 2. Pp. 127–140.
- Fasmer M.** Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4-h t. [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes] Izdanie vtoroje, stereotipnoe. M.: Progress, 1987.
- Hisamova F. M.** Tatarskij jazyk v vostochnoj diplomatii Rossii (XVI — nachalo XIX vv.) [Tatar language in the Eastern diplomacy of Russia (XVI — early XIX centuries)]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2012. 405 p.
- Hisamova F. M.** Funkcionirovanie i razvitie starotatarskoj delovoj pis'mennosti XVI–XVII vv. [Functioning and development of the Old Tatar business writing of the 16th–17th centuries]. Kazan': Izd-vo KGU, 1990. 154 p.
- Jadrincev N. M.** Sibirskie inorodcy, ih byt i sovremennoe polozhenie: jetnograficheskie i statisticheskie issledovanija s prilozheniem statisticheskikh tablic [Siberian aliens, their way of life and current situation: ethnographic and statistical

studies with the application of statistical tables]. Sankt-Peterburg: Izdanie I. M. Sibirjakova, 1891 (Tipografija I. N. Skorohodova). 308 p.

Ermakova Elena Nikolaevna, doctor of science (philology), professor, department of philological education.
Tyumen State University.

58 Znamensky st., Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: ermakova25@yandex.ru

Prokopova Maya Vladimirovna, candidate of philology, associate professor,
department of philological education.

Tyumen State University.

58 Znamensky st., Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: prokopova.maya@yandex.ru

Faizullina Guzel Chakhvarovna, doctor of science (philology), associate professor,
dean of the Faculty of Social and Pedagogical.

Tyumen State University.

58 Znamensky st., Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: utgus@mail.ru